

«Оруноко» (или «Орунооко»). Осенью того же года политическая ситуация в стране изменилась: король Яков Стюарт бежал из страны в ходе событий, получивших со временем название «Славная революция». Стареющая, больная Афра Бен умерла в самом начале 1689 г. вместе с тем временем, дух которого отразился в ее творчестве.

Примечания

- ¹ Павлова Т. А. Англия Шекспира и Англия Кромвеля // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 149.
- ² В период нарастания кризиса отношений между королем и оппозицией, сосредоточившейся в парламенте, известный юрист У. Принн (1600–1666) написал в 1633 г. памфлет «Бич актеров», в котором доказывал, что все пьесы «суть греховные, зловердные и пагубные развлечения» (Цит. по: История английской литературы. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 160).
- ³ Вот какую оценку дал комедиографам периода Реставрации историк и публицист лорд Маколей: «Эта часть нашей литературы, поистине, позор для нашего языка и народного характера. Она, правда, обличает таланты и очень занимательна, но она в сильнейшем смысле слов “мирская, чувственная, бесовская” литература» (Маколей Т. Б. Комические драматурги времен реставрации // Маколей Т. Б. Собр. соч. : в 10 т. Т. IV. С. 139).
- ⁴ Например, в поэзии язвительному обличению религиозного ханжества С. Батлером («Гудибоас») можно противопоставить прославление героического порыва Д. Мильтоном («Самсон-борец», «Потерянный рай»).
- ⁵ URL : [www/volslit.info/Texts/rus/6/Pips/frametex3](http://volslit.info/Texts/rus/6/Pips/frametex3) (дата обращения: 12.12.2011).
- ⁶ Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660–1681. М., 1982. С. 185.
- ⁷ Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М., 2004. С. 423. Интересно отметить такой

курьезный эпизод. В конце 40-х гг. XVII в. республиканцем Д. Мильтоном была написана «История Британии», в которой содержалась критика деятельности членов Долгого парламента. Этот отрывок («Отступление») автор позднее исключил из текста. Однако в разгар политического кризиса 80-х гг. «Отступление» опубликовано под названием «Характеристика мистера Джона Мильтоном Долгого парламента и Собраниа богословов в 1641 г.» с целью политической дискриминации вигов, рассматриваемых в качестве духовных наследников парламентаской оппозиции периода гражданских войн.

- ⁸ Афра Бен была весьма плодовитым и разносторонним автором, оставившим после себя пьесы, романы, стихотворные произведения. Самый известный ее роман «Оруноко» был даже переведен на русский язык в конце XVIII в. Ее работы периодически переиздаются в англоязычных странах. В нашем случае использован текст пьесы «Круглоголовые», опубликованный в собрании сочинений А. Бен в 1967 г. См.: The works of Aphra Behn : in 6 vols. Vol. 1 / ed. by M. Summers. N. Y., 1967.
- ⁹ Mendelson S. H. The Mental World of Stuart women. Three studies. The Harvester press, 1987. P. 148.
- ¹⁰ The works of Aphra Behn. Vol. 1. P. 337.
- ¹¹ Mendelson S. H. Op. cit. P. 149.
- ¹² The works of Aphra Behn. Vol. 1. P. 341.
- ¹³ Mendelson S. H. Op. cit. P. 149.
- ¹⁴ См.: The works of Aphra Behn. P. 336.
- ¹⁵ Цит. по: Ступников И. Английский театр. Конец XVII – начало XVIII века. Л., 1986. С. 146.
- ¹⁶ При взгляде на сохранившиеся изображения видно, что между подлинным дерзко элегантным Ламбертом и его театральным отражением трудно уловить сходство. Такая внешность, скорее, соответствовала бы смелому галанту Лавлейсу, чем пуританину, как его представлял театр Реставрации.
- ¹⁷ Ступников И. Указ. соч. 132.
- ¹⁸ Цит. по: Mendelson S. H. Op. cit. P. 148.

УДК 94 (100)

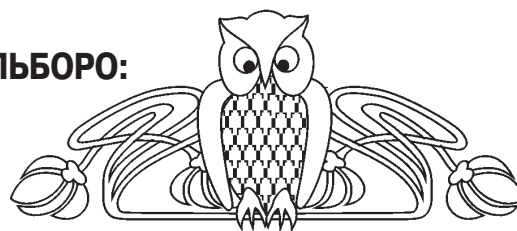
ПАРЛАМЕНТСКИЙ СУД НАД ГЕРЦОГОМ МАЛЬБОРО: ПРАВДА ИЛИ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ?

Л. И. Ивонина

Смоленский государственный университет
E-mail: ivonins@rambler.ru

В статье анализируется судебный процесс в английском парламенте над герцогом Джоном Мальборо, обвиненным в растрате денежных средств и присвоении значительных сумм. Как полагает автор, целью торийского парламента являлось оправдание лишения Мальборо всех его командных постов и отстранение от большой политики, и в этом смысле обвинение герцога было во многом сфальсифицировано.

Ключевые слова: война за испанское наследство, тори, виги, парламента, оппозиция, суд.

The Trial in Parliament over the Duke of Marlborough: Verity or Falsification?

L. I. Ivonina

The article examines the judicial process in the British Parliament over John, the Duke of Marlborough, accused of embezzlement of funds and assignment of invested significant sums. The author suggests that Tory Parliament sought to justify Marlborough's denial of all

his command posts and his dismissal of high politics. In this sense, charges of the Duke were largely falsified.

Key words: war of spanish succession, Tories, Whigs, parliament, opposition, court.

Тематика, рассматриваемая в данной статье, не только историко-правовая, но и тесно связана с проблемой общественного восприятия конкретного политика в конкретном государстве последнего столетия раннего Нового времени, когда дифференциация внутренних политико-правовых структур европейских стран сочеталась с унификацией международно-правового поведения.

В результате длительного переговорного процесса между Францией и ее соперниками в войне за испанское наследство (1701–1714), проходившего параллельно с военными действиями в течение почти шести лет, кто получил пощечину, кто просто надежду на стабилизацию обстановки, а кто – на наилучшее решение своих собственных проблем и реализацию честолюбивых устремлений. В любом случае мир был уже не за горами. Сопротивлялись лишь те, кто получил пощечину. Знаменитый полководец и политик этой войны английский герцог Джон Мальборо полагал, что самый болезненный удар получил именно он.

Герцог желал продолжения войны в основном по двум веским причинам. Главное место для военного и дворянина занимает честь, связанная с выполнением долга. С одной стороны, Мальборо осознавал свой долг перед союзниками (Священной Римской империей, Республикой Соединенных Провинций, Савойей, Португалией и др.), не принимавшими мира по сценарию английских тори и Версаля. С другой стороны, будучи первым лицом в Европе, у себя в стране он был только должностным лицом, облеченным огромными полномочиями, которых, тем не менее, в один прекрасный момент мог лишиться.

«Этот мир воистину стал безумным. Мне непонятно, как писака, пусть даже и очень способный, может низвергнуть в бездну позора и отчаяния самого знаменитого генерала в Европе», – с горечью писал Мальборо своему другу и боевому соратнику, имперскому главнокомандующему принцу Евгению Савойскому в декабре 1711 г.¹ Герцог мог вести решительную войну на поле брани и плести тонкие нити дипломатических кружев. Он прекрасно знал, что такое придворная игра и монаршья немилость, но слившейся воедино партийной и пропагандистской борьбе был не в силах противостоять. Частью этой борьбы против него стал судебный процесс в английском парламенте.

Не ложь, а полуправда является главным оружием политической войны. Именно им пользуются проницательные политики. Ложь, конечно, занимает в борьбе за свои идеи важное место, но такую же роль играет и правда. Наверное, об этом размышлял известный писатель и журналист Джонатан Свифт в своей резиденции на Нью-

Пантон-стрит, когда сочинял знаменитый памфлет «Поведение союзников». Он ставил перед собой цель склонить мнение общественности против войны и поддержать мирные намерения тори. Английский писатель вполне допускал ведение войны либо с целью «воспрепятствования чрезмерному усилению тщеславного соседа», либо для возвращения захваченных неприятелем территорий. Но нынешняя война, по его мнению, была развязана не в интересах монарха или народа, а в угоду генералу Мальборо и вигам и поставила народ Англии в худшее положение по сравнению не только с ее союзниками, но и с противниками. «Мы сражаемся за то, чтобы создать славу и богатство одной семье (то есть семье Мальборо), обогатить ростовщиков и банкиров ..., разорить собственников земли. Продолжая войну, мы игнорируем интересы общества и способствуем процветанию личных интересов ... После десяти лет войны заявлять нам о том, что выгодный мир заключить невозможно, очень удивительно», – писал Свифт.

Памфлет появился на свет 27 ноября 1711 г. и имел шумный успех в Лондоне. За месяц было продано 11 000 экземпляров памфлета, его прочитало примерно 30 000 человек. Люди, встречавшие Свифта на улице и не знавшие, что перед ними автор «Поведения союзников», показывали ему памфлет и говорили, что это «что-то экстраординарное». А военный министр Генри Сент-Джон лично сообщил ему, что голландский посол планирует его перевести на свой язык².

«Поведение союзников» обсуждали в кофейнях, пабах, университетах и в Уайт-холле. Когда 7 декабря собрался парламент, большинство его членов не сомневалось, что политические противники Мальборо Роберт Харли граф Оксфорд и Сент-Джон, будущий виконт Болингброк, правы, начав мирные переговоры и предварительно договорившись с Францией. Популярный еще недавно лозунг: «Нет мира без Испании!» теперь в глазах многих выглядел старомодным.

Джон Мальборо считал прелиминарные статьи предполагаемого мира между Англией и Францией предательством национальных интересов и пренебрежением к своим военным и дипломатическим достижениям. Его поддерживала сочувствовавшая вигам группа Холиуэлл (Holywell), развернувшая в прессе кампанию против тори. Согласно капеллану армии Мальборо, его первому биографу и другу Френсису Хэа, «более оправдана война, чем скандальный и небезопасный мир»³.

В ответ правительство ограничило свободу оппозиционной прессы, введя цензуру на ряд изданий. А в палате лордов политическая драма достигла своей высшей точки. 7 декабря 1711 г. королева Анна Стюарт произнесла в парламенте гневную речь против своего командующего и вигов, в которой были такие слова: «К великому разочарованию тех, кто восхищается войной (она явно намекала на Мальборо. – Л. И.), мирные

переговоры должны продолжиться и прийти к своему завершению»⁴. Когда пришло время голосования, лорд-канцлер Роберт Харли граф Оксфорд и члены нового торийского министерства все же проиграла двенадцатью голосами. Однако палата общин осталась приверженной миру, выступив за его заключение 232 голосами против 106. В такой политической обстановке началась кампания с целью бросить тень на репутацию Мальборо, путем обвинения герцога в стяжательстве. По этому поводу комиссия общественной счетной палаты представила на парламентскую сессию 22 декабря 1711 – 17 января 1712 г. свой подробный доклад⁵.

Герцога, открыто и решительно вставшего в оппозицию кабинету министров, необходимо осудить и отстранить от политики. Парламент должен засвидетельствовать, что он самым нечестным образом обращался с общественными деньгами. Суммы были подсчитаны, документальные свидетельства разными путями добыты. Королева тем временем должна заявить, что капитан-генерал ее армии – потенциальный Оливер Кромвель (лорд-протектор Английской республики во время политических потрясений середины XVII в.): она обязана либо защитить своих министров, либо разделить несчастную судьбу своего дедушки Карла I Стюарта. В свое время последний не смог защитить своего великого министра лорда Страффорда и в результате попал на эшафот. Именно эти аргументы приводил Анне граф Оксфорд.

Дело против Мальборо активно разрабатывалось на разных уровнях. Перед его обсуждением в парламенте Оксфорд настоятельно посоветовал королеве пополнить верхнюю палату двенадцатью новыми пэрами, преимущественно шотландцами. Сюда попал и супруг Абилай Мешэм – новой фаворитки королевы. Анна, правда, не желала делать пэром безродного выскочку, но в условиях правительственного кризиса вяла Оксфорду. И когда 12 новых пэров прибыли на заседание палаты, известный шутник лорд Уартон, не изменяя своей привычке, спросил, намереваются ли они голосовать индивидуально или вслед за своим вождем⁶.

Скоро был сделан решительный шаг. 29 декабря 1711 г. Анна подписала отставку герцога, а 31 декабря он был официально смещен со всех своих постов. Одновременно велось массированное пропагандистское наступление на Мальборо со стороны тори. Анонимные памфлеты вещали: «Где наши свободы и права, если нечем платить и не на что жить? Все ушло Ему на подарки, и ни его руководство, ни его храбрость не могут возратить погибших солдат». Особенно популярным стал памфлет, в котором Мальборо изображался как жирный и дерзкий кот королевы Анны, которого бы следовало напугать парламентской собакой. В нападки на герцога включились известные просветители Дж. Свифт и Д. Дефо, считавшие, что народ изрядно устал от войны, а Англия достигла

своих политических целей. Свифт в «Экзаминере» отметил, что «его завоевания финансировались хлебом половины его солдат», а Дефо в письме к Оксфорду написал: «Я надеюсь, Бог направит Милорда принять отставку и разоблачит человека-идола. Ведь он претендует на самое великое»⁷.

Первого января 1712 г. указом королевы герцог Ормонд был назначен вместо Мальборо капитан-генералом английских войск на континенте и капитаном Первой гвардии, а лорд Риверс стал начальником артиллерии. Одновременно казна по инициативе тори, не считавших себя обязанными выплачивать обещанную парламентом и Сити субсидию, приостановила выделение средств на строительство дворца Бленхейм – монумента славы в честь знаменитой победы герцога над франко-баварской армией в 1704 г. А вот французский король Людовик XIV воспринял новость о лишении Мальборо всех его регалий с явным недоверием. Ведь не так давно политика Британии определялась возглавлявшим непобедимые армии человеком, который и сейчас, в первое утро января 1712 г., в письме королеве Анне упрямо твердил: «...дружба с Францией опасна для Вашего Величества»⁸.

Атакуемый оппозицией главнокомандующий больше всего надеялся на поддержку имперского полководца принца Евгения Савойского. В парламенте у него были защитники, в прессе тоже, а вот в защите его дела при дворе он очень рассчитывал на международный авторитет и славу своего боевого соратника и друга, ведь настоящая дружба проверяется во время неудач и падений. Евгений всегда был в курсе его проблем и постоянно призывал Джона в непосредственном общении и в письмах успокоиться.

Среди тех, кто имеет желание вести себя нецивилизованно, никто не может проделать эту работу совершенней, чем английский джентльмен. Так считал принц Евгений, который 5 января 1712 г. прибыл в Лондон. Он очень скоро почувствовал на себе неприветливость обстановки. Еще по пути, в Гааге, его пытался отговорить от этого вояжа английский посол граф Страффорд, направлявшийся в Утрехт. И в устье Темзы имперского полководца попытались предостеречь от тесных связей с опальным политиком, английские министры избегали его и выглядели озабоченными, а иногда и просто невежливыми. Лондонский Сити собирался устроить банкет в его честь, но как будто забыл сделать это. В качестве компенсации лорд Портленд устроил пышный обед, на котором присутствовали виги и все те, кто желал выразить свое восхищение знаменитому полководцу.

Утром 17 января 1712 г. имперского полководца принял Генри Сент-Джон. На следующий день королеве пришлось дать ему аудиенцию, на которой Евгений передал ей письмо императора. 16 февраля принц увидел королеву еще раз. Анна, хотя и подарила ему украшенный бриллиантами меч стоимостью 4 500 ф.ст., была исключительно

холодна. Несмотря на то что герою были оказаны необходимые знаки глубочайшего уважения, его миссия – защита друга и переговоры о продолжении войны – окончилась неудачей. В британском тумане он не нашел военного энтузиазма и желания помочь братьям по оружию. К началу марта 1712 г. Евгений Савойский уже не сомневался в том, что Англия выработала на открывшемся в Утрехте 12 января мирном конгрессе основные принципы соглашения с французами. В долгие часы ожидания определенного ответа да и просто в свободное время принц Евгений, страстный библиофил, часто в сопровождении своего друга без устали бродил по антикварным лавкам Лондона, выискивая редкие издания, которые положили начало его уникальной библиотеке⁹.

«Визит принца Савойского был последней надеждой, которую потеряли враги мира в Утрехте», – отметили тогда многие английские газеты¹⁰. И все же для тори это были тяжелые дни: правительство опасалось проявления народной симпатии к принцу-победителю, а вместе с ним и к Мальборо и вигам, ведь когда они вместе появились в опере, то привлекли гораздо большее внимание зрителей, чем актеры. Весь зал приветствовал знаменитых полководцев бурной овацией. Для официального «мирного» курса английского правительства приезд Евгения Савойского был явно неуместным. Торийские публицисты начали кампанию и против него, а Свифт особенно подчеркнул, что «величайшим желанием этого принца является война, когда он ... видит себя во главе армии и видит только себя», и жаждет славы, рискуя жизнями тысяч людей, и желает быть наследником итальянских кондотьеров эпохи Ренессанса¹¹.

Через два месяца принц Савойский, так ничего и не добившись от официального Лондона, был вынужден покинуть Альбион. Поле брани призывало его. Он не смог помочь своему боевому товарищу, который не только лишился своих постов, но и находился под угрозой потери чести.

Лишить Мальборо чести было как раз тем, к чему всеми фибрами души стремились члены торийского Октябрьского клуба, о которых в Лондоне шутили: «Они тори, когда трезвые, а якобиты (т. е. сторонники изгнанного в результате «Славной революции» 1688 г. Якова Стюарта и его наследников. – Л. И.), когда пьяные»¹². Влияние Мальборо в палате лордов было слишком очевидным, и ему нельзя было оставить шансов воцариться там. Материалы были на руках – два обвинения герцога в коррупции. Сторонник Мальборо Роберт Уолпол, способнейший из молодых вигов, уже был обвинен в коррупции во время выполнения им функций военного министра в 1708–1710 гг. и провел пять месяцев в Тауэре. Его заключение было довольно комфортным, и он использовал это время, чтобы написать «Короткую историю Парламента». Роберта часто посещали соратники, друзья и родные, но он тяжело переносил свое вынужденное политическое бездействие.

«Я настолько унижен, что в один прекрасный день буду мстить», – сказал он своей сестре Долли. Он знал, что ответственным за его заключение был главным образом Сент-Джон виконт Болингброк, и готовил свою месть в качестве «холодного блюда». Но не Уолпол был главной целью тори. Нападая на него, они, по словам Свифта, «разыгрывали козырную карту в деле Мальборо»¹³.

Герцога обвинили в растрате военных средств, сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении денежных взяток от союзников и противников. Конкретно эти обвинения выражались в следующем. Было подсчитано, что главнокомандующий за 10 лет получил от поставщиков для армии 63 619 ф. ст., или 664 851 гульден. Каким образом? Во-первых, он брал 6 000 ф. ст. в год от сэра Соломона де Медины за контракт по обеспечению армии хлебом. Во-вторых, он получал 2,5% от сумм, вотируемых парламентом для содержания иностранных войск на английской службе. В целом эти два источника дохода составили от 170 000 до четверти миллиона ф. ст.¹⁴ Не отсюда ли происходило громадное состояние Мальборо? Его политические противники не сомневались в этом. Простые торийские сквайры были готовы поверить всему, что было против того человека, который в их умах ассоциировался с «денежным интересом», но поверят ли они Медине, еврею, родившемуся в Италии, одному из тех, кто финансировал революцию 1688 г. и держал самые большие слитки золота в Английском банке, человеку, который являлся членом «Банковской гостиной» – внутреннего кружка этого мистического института? Среди индивидов, которые могли рассказать историю, меньше всего заслуживающую доверия, сэр Соломон мог быть первым.

Генеральному прокурору было дано указание возбудить против Мальборо судебное дело, чтобы вернуть хоть часть денег. А Сент-Джон тем временем удвоил атаки на Мальборо в парламенте. Сам герцог защищался просто. Он признал, что был единственным контролером расходования финансов на войне и поэтому реального положения вещей никто не знает. Комиссия на хлебные контракты и 2,5% от оплаты иностранных войск были традиционным дополнительным доходом командующего в Нижних Нидерландах и предназначались для ведения секретной службы. На эти цели парламент готовился вотирировать сумму в 10 000 ф. ст. в год, тогда как во времена короля Вильгельма Оранского (1688–1702) расходы на разведку составляли 70 000 ф. ст. в год. По этой причине эти 10 000 были лишь дополнительными, и королева Анна своей властью гарантировала это. К тому же союзные государства публично заявили, что 2,5% брались с их одобрения. Ни в одной армии разведка так хорошо не показала себя, как в армии Мальборо.

Что касается хлеба, то герцог утверждал – и никто не мог его оспорить, – что британская

армия дешево и в немалом количестве кормила хорошим хлебом голландцев, которые содержали самую скромную армию в Европе. Поставщики хлеба, то есть сэр Соломон и его брат Мозес, подтвердили этот факт. Мальборо был уверен в своей правоте и знал, о чем говорить. Он не преминул упомянуть, что в большинстве случаев не брал взятку, предлагаемых ему противниками, хотя это было в среде дипломатов в порядке вещей. Он отклонил денежный подарок, предложенный ему Людовиком XIV в 1706 г., не стал по предложению Петра I русским князем в 1707 г. и не взял ничего от своего племянника и якобита герцога Бервика в 1708 г. А те 150 000 ф. ст., которые он принял от французов в 1709 г., нельзя, по его мнению, считать взяткой, поскольку он служил общественному благу и честно вел переговоры¹⁵. Его защита выглядела блестящей.

Параллельно Хэа без устали писал панегирики в издания, соглашавшиеся их публиковать. В них особо отмечался спартанский стиль жизни герцога на войне: «Какой разительный контраст по сравнению с образом жизни Великого монарха (т. е. Людовика XIV. – Л. И.) являет нам главнокомандующий! Ни любовниц, ни актеров, ни даже историков». «Исключая капеллана, доктора Хэа», – впоследствии добавит к этой фразе, практически полностью перешедшей в его сочинение о великом предке, У. Черчилль¹⁶. Тот же принц Евгений, другой известный всем полководец, только благодаря войне стал богатейшим человеком в империи и крупнейшим землевладельцем. Его ежегодный доход составлял 100 000 гульденов – гораздо больше, чем у обвиняемого¹⁷.

Но превратилось ли от этого дело против Мальборо в дым? Наоборот!

Палата общин вынесла против него обвинительный вердикт 267 голосами против 165. Конечно, ведение войны – это личный риск, но риск, приносящий доход. Военачальник на войне находится в центре внимания и должен совершать все по правилам, полагали в парламенте. Для чего же существует парламентский контроль? Секретарь Мальборо Адам Кардоннел обвинен во взятии 500 дукатов от сэра Соломона на каждый хлебный контракт и был исключен из палаты общин. А Бенджамин Свит, который вычитал 1% из оплаты войск в свою пользу, был предан суду¹⁸.

Объяснения Мальборо по поводу 2,5% не были опубликованы, пока дело не закончилось и большинство людей его не забыло. А заявление союзных правительств в защиту английского полководца было оглашено только на мирной конференции в Утрехте годом позже. «Мы полностью убеждены и удовлетворены тем, что герцог Мальборо ежегодно направлял эти суммы на секретную службу, и его мудрое распоряжение ими способствовало победе во многих битвах»¹⁹. Так писал ганноверский курфюрст, будущий английский король Георг I. Но вердикт палаты общин был уже вынесен. Проявленный цинизм заключался

еще и в том, что назначенный капитан-генералом герцог Ормонд получил от палаты общин право брать некоторые суммы от хлебных контрактов и определенный процент от оплаты иностранных солдат на цели шпионажа.

Остается одна проблема. Если Мальборо и в самом деле не был виноват в предъявленных ему обвинениях, то откуда у него такое богатство? Впоследствии стало известно, что его военные соратники – Кадоган и Кардоннел – спекулировали и наживались на денежном обмене, который проходил через их руки во время движения армии. Скорее всего, командующий делал то же самое. Причем он мог оперировать суммами гораздо большими, чем любой из его подчиненных, и при этом пользоваться значительной поддержкой своего банкира и тайного друга сэра Генри Фарнезе, занимавшегося финансовыми операциями в Нижних Нидерландах²⁰. И даже это был не единственный источник его огромного состояния – не следует забывать о поступлениях от джентри в его обширных владениях, громадном доходе от занимаемых должностей и, конечно же, выгодных инвестициях. Ведь Джон с самой ранней молодости хорошо разбирался в коммерции и банковских вкладах, деньги на него так же работали, как и он работал, добывая их. Война есть война, и поведение командующих армиями того времени чаще всего не было безупречным. Полководцы всегда тем или иным способом обогащались во время войны.

В течение многих месяцев до, во время и после расследования его «финансового» дела Мальборо находился в крайне нервном эмоциональном состоянии, что отразила его переписка со Свитом: «Не пишите мне, передавайте через надежные руки» (февраль 1711 г.), «Кадоган даст Вам знать, где Вы сможете со мною встретиться тайно» (январь 1712 г.). В мае 1712 г. Свит заверял его: «Я скорее пожертвую собственной жизнью, чем разглашу то, что вы доверили мне»²¹. В октябре того же года Мальборо заключил: «Министры должны знать, что я трагил эти деньги (2,5%. – Л. И.) на общественные нужды. Или Бог забудет их». Возможно, его заботило не только само обвинение, на которое он мог ответить, но и желание человека, осуществляющего крупные финансовые операции, скрыть «деликатные» источники дохода, дабы ими не воспользовались «неразумные» люди.

Сент-Джон, обещавший французам избавиться от Мальборо, не был удовлетворен его отставкой и ходом событий. На деле в широких кругах англичан отставка непобедимого главнокомандующего, каким бы он ни был, вызвала неподдельное удивление. Он уже стал идиолом, желали этого его противники или нет. Среди тори были опасения, что виги даже способны поднять восстание. Поэтому в палате общин Сент-Джон выступил против слишком строгих мер в отношении Мальборо, превращавшегося в легендарную личность.

В мае 1712 г. Ормонд получил приказ королевы не вступать в сражения на стороне союзников. Когда он стал известен всем, в палате общин разгорелись дебаты, в ходе которых лорд Поуллетт сравнил «мужество» герцога Ормонда с ведением войны «одним генералом», который любил лишь кровавые битвы, уничтожившие весь цвет английского офицерства. То был явный намек на Мальборо. Поуллетт очень удивился, когда после заседания парламента герцог вызвал его на дуэль, и предпочел забрать свои слова обратно. Об этом узнала леди Поуллетт и попросила вмешаться в это дело правительство²².

Кампания, развязанная против Мальборо, не утихала, приобретая новые оттенки. Герцога обвинили в плохом командовании в битве при Мальплаке 11 сентября 1709 г., а особенно в том, что он не обеспечил необходимую медицинскую помощь многочисленным раненым, которых можно было спасти, хотя на это ему были выделены средства. Осенью 1712 г. Мальборо решил покинуть страну, поскольку уже знал, что правительство готовило против него отдельное дело относительно средств, затраченных на так и не законченное строительство дворца Бленхайм, и что от него будут требовать возместить все деньги, которые он потратил на секретную службу Ее Величества за все время войны²³.

Пропаганда – безошибочное оружие, способное настолько замарать репутацию, что убрать эту грязь потом либо очень трудно, либо вовсе невозможно. Живи английский полководец в эпоху прославленных героев Античности, он, как и Александр Македонский, стал бы подобен богу. Джону Мальборо, несмотря на все его дипломатические и военные победы, так и не удалось полностью отмыться. Отмыться для истории.

По всей видимости, судебный процесс против герцога Мальборо в парламенте был заказным и вызван как политической борьбой в Англии, так и ухудшением ее финансового и экономического состояния вследствие финансирования союзников во время войны. Кроме того, положение министра или придворного, зависевшее от расположения императора в консолидирующихся владениях Габсбургов или французского короля Людовика XIV, нельзя было сравнить с положением известного политика в Британии с ее развивавшейся парламентской монархией. Борьба партий могла смести его даже за малейший промах, а «подарки», считавшиеся в Версале или Вене обычным делом, в Лондоне уже рассматривались как взятки.

В 1714 г. взошедший на английский трон после смерти королевы Анны Георг I Ганноверский

вернул Мальборо все его регалии и восстановил во всех должностях. Герцог был полностью оправдан, но уже не играл значительной роли в истории Великобритании. Его эра прошла, и на тропу войны и политики вышли новые люди.

Примечания

- ¹ Murray G. The letters and dispatches of J. Churchill, first Duke of Marlborough from 1702 to 1712: in 5 vols. L., 1845. Vol. I. P. 52.
- ² Swift J. Works : in 17 vols. L., 1898–1914. Vol. IV. P. 48–50.
- ³ Цит. по: Metzdorf J. Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg. Mainz, 2000. S. 142–144.
- ⁴ The letters and diplomatic instructions of Queen Anne / ed. by B. C. Brown. L., 1935. P. 391.
- ⁵ См.: Mullenbrock H. J. The Culture of Contention. A Rhetorical Analysis of the Public Controversy about the Ending of the War of the Spanish Succession, 1710–1713. München, 1997. P. 115 ; Cobbet's Parliamentary History of England : in 36 vols. L., 1808–1809. Vol. IV. P. 1362.
- ⁶ Thomson G. M. The First Churchill. The life of John, 1st Duke of Marlborough. L., 1975. P. 270–273.
- ⁷ Swift J. Op. cit. P. 56.
- ⁸ Murray G. Op. cit. Vol. II. P. 237.
- ⁹ См.: Ивонин Ю. Е. Евгений Савойский // Вопр. истории. 2006. № 6. С. 50 ; Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. I. Wien, 1963. S. 82–91.
- ¹⁰ См., например: The London Gazette. 1711. № 1.
- ¹¹ Swift J. Op. cit. P. 66.
- ¹² Thomson G. M. Op. cit. P. 274–275.
- ¹³ Jones J. R. Marlborough. Cambridge, 1993. P. 91.
- ¹⁴ См.: Mullenbrock H. J. Op. cit. P. 122–124.
- ¹⁵ Ibid. P. 125 ; Thomson G. M. Op. cit. P. 277–278.
- ¹⁶ Цит. по: Winston S. Churchill. Marlborough, sa Vie et son Temps : in 3 vols. P., 1967. Vol. I. P. 413.
- ¹⁷ См.: Braubach M. Op. cit. Bd. III. S. 94.
- ¹⁸ См.: Thomson G. M. Op. cit. P. 282.
- ¹⁹ Hatton R. Georg I. Ein deutscher Kurfürst auf dem englischen Thron. Frankfurt a / M., 1982. S. 118–184.
- ²⁰ См.: Jones J. Op. cit. P. 99.
- ²¹ Thomson G. M. Op. cit. P. 284.
- ²² Ibid. P. 285–286.
- ²³ Murray G. Op. cit. Vol. II. P. 308 ; English Historical Documents / ed. by A. Browning : in 12 vols. L., 1953. Vol. VII. P. 822–825.